

при всеобщем развале страны, все пришло в упадок — и строительство, и промышленность, и сельское хозяйство. После отъезда в Москву начальника ГлавБАМстроя Ефима Владимировича Басина строительство домостроительного комбината под Тындой, для которого закупили дорогое шведское оборудование, законсервировалось. Многие из того, что начинали строить, было прикрито. БАМ стал нелюбимым (да и ненужным) пасынком государства.

Но людей все-таки не сломали. К 30-летию БАМа, наконец-то, сдали уникальный объект БАМа — Северо-Муйский тоннель. Интересы экономики требуют продолжения развития общей сети железных дорог России. Нужно строить пути для освоения новых экономических районов. Так, стране необходимо ускорить строительство новой дороги Беркалит–Томмот–Якутск. Есть потребность в проведении железнодорожного полотна до Чукотки.

В июле 1997 г. правительство России приняло постановление «О первоочередных мерах по стимулированию экономического развития зоны Байкало-Амурской железнодорожной магистрали», которым МПС утверждено главным координатором программы хозяйственного освоения зоны БАМа. Прокладка железнодорожного пути до Якутска будет рассматриваться как первый этап создания этой трансконтинентальной магистрали. Есть предложение по соединению тоннелем материка с Сахалином, а в последующем — и с Японским архипелагом. Опыт строительства крупнейших железнодорожных тоннелей длиной более 50 км уже имеется в Европе и Японии. Так что, эти планы в будущем могут быть реализованы. Бамовская дорога — это дорога нашей будущей жизни. Проекты победного 1945 г. должны сбываться.

Н.Ф. ВАСИЛЬЕВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «КАТОРГА И ССЫЛКА»

Изучение дореволюционной сибирской ссылки неразрывно связано с деятельностью Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и его органа журнала «Каторга и ссылка», издававшегося в 1921–1935 гг.

Журнал «Каторга и ссылка», как и Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, созданный бывшими революционерами, прошли трагический путь от становления и расцвета деятельности по изучению и пропаганде истории революционного движения, в том числе и сибирской политической ссылки, до роспуска и закрытия политической системой всех структур Общества.

Этапы деятельности журнала отразили путь становления и формирования исторических журналов того времени и исторической науки, деформированной политической системой.

Первые два сборника формировались в спешке из материалов, которые «оказались под рукой». По содержанию первый номер «Каторги и ссылки» соответствовал своему назначению: статьи, стихи и мемуары, посвященные исключительно тюрьме, каторге и ссылке. Редакция заявила, что в связи с консолидацией Общества, расширением его деятельности и вовлечением в литературное сотрудничество широких кругов товарищей по каторге и ссылке, последующие сборники будут полнее и разностороннее отвечать своей основной цели «с одной стороны широко осветить тяжелую эпоху мести царского самодержавия своим политическим противникам, а, с другой — облегчить подрастающей массе «молодых» познать живые факты из истории нашего революционного движения». На протяжении последующих лет редакция четко придерживалась своих задач, расширяя литературное сотрудничество с опытными и начинающими авторами, разнообразя рубрики журнала от «Из истории революционного движения» и «Каторга, ссылка, тюрьма, эмиграция» до «Лики отошедших», «Памяти ушедших», «Библиография», «Хроника. Из жизни Общества».

Тираж журнала первого пятилетия составлял от трех до десяти тысяч экземпляров, который зависел в первую очередь от материальной базы Общества и выделяемого властью количества бумаги. Сначала шел процесс наращивания объемов тиража. В 1925 г. тираж составлял десять тысяч экземпляров. В 1926 г. тираж сократился до восьми и даже семи тысяч экземпляров. В последующие годы тираж составлял пять тысяч экземпляров. С четвертого номера 1926 г. журнал стал выходить с пометкой «Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан».

Становление журнала сопровождалось сложными и неоднозначными явлениями, проходившими в исторической науке. С одной стороны, шел процесс осмысления задач исторической науки, с другой, выискивания политических ошибок и борьбы с инакомыслием. Наиболее ярко этот процесс проявился в критических рецензиях, опубликованных в исторических журналах.

В 1920-е гг. рецензии в большей мере носили оценочно-рекомендательный характер. Рецензенты положительно оценивали журнал в деле подбора материалов о разных периодах революционного движения, предоставление места публикациям представителей разных революционных политических партий, работу разных отделов журнала.

Продуктивная работа «Каторги и ссылки» постепенно сформировала положительное мнение у научной общественности. Даже постоянный оппонент исторических журналов «Пролетарская революция» отметил «правильную стратегию» «Каторги и ссылки»: не печатать статей на

темы общеисторического и теоретического характера, так как для таких дел имеются другие исторические журналы. Рецензент Вл. Малаховский отметил неуклонный рост статей, посвященных изучению ссылки (в пяти номерах журнала за 1927 г. опубликовано четыре статьи) и «в части воспоминаний журнал хорош» (*Малаховский Вл. «Каторга и ссылка»*. *Журнал Всесоюз. Общества полит. и сс. с № 1 (33) по 5 (34) за 1927 г.* // *Пролетарская революция. 1927. № 11 (70). С. 248–252*).

Жесткая критика поступила от А. Бура, опубликовавшего рецензию в «Пролетарской революции» в 1930 г. (*Бур А. По журналам. «Каторга и ссылка»*. 1929. № 8–12. и 1930. № 1–5 // *Пролетарская революция. 1930. № 9 (104). С. 168–173*).

Автор указал, что вышедшие шестьдесят шесть номеров журнала определили его облик, однако живительных дух самокритики не проник еще в «редакционные апартаменты» Общества политкаторжан. По мнению рецензента, массовый читатель ждет от журнала научно-проработанные и исторические материалы, а не воспоминания с «революционными анекдотам». Рубрика «тюрьма, каторга, ссылка и эмиграция», на взгляд автора, страдает отдельными воспоминаниями и случайными эпизодами, которые носят «не законченный общий характер». А. Бур делает вывод, что журнал «Каторга и ссылка» не отвечает требованиям читателя по характеру материала, некритическому отношению к историческому прошлому и по идеализации того, что осуждено революционным опытом.

После рецензии на страницах журнала разгорелась полемика. Староста Общества Е. Ярославский дал четкий ответ на все упреки А. Бура (*Ярославский Ем. Каким должен быть и каков есть журнал «Каторга и ссылка»* // *Пролетарская революция. 1930. № 11. С. 183–187*). Прежде всего, автор напомнил, что журнал является органом Общества политкаторжан, члены которого представляют революционеров разных поколений и идеологий, начиная чуть ли не с петрашевцев, кроме того, особенностью журнала является собрание и опубликование соответствующего мемуарного и автобиографического материала и освещение «невьясненных и спорных вопросов прошлого».

Внутри Общества шло серьезное обсуждение вопроса о жанровой направленности журнала, однако даже среди членов Общества предпочтение мемуаров другим жанрам историко-революционной литературы не всегда встречало взаимопонимания. В 1929 г. члены Читинского отделения написали в редакцию письмо, в котором разразились критикой: в журнале печатаются исключительно материалы мемуарного характера, биографии отдельных деятелей революционного движения, различные документы революции, но этот материал должен рассматриваться только как сырой, как отдельные кирпичи для построения истории революционного движения. Вместе с тем, в журнале совершенно не ведется научная разработка ни отдельных исторических эпох революционного

движения, ни отдельных революционных течений той или иной исторической эпохи. Они высказал мысль, что настал момент для крупного изменения характера журнала, особое значение должна получить научная разработка накопленного историко-революционного материала.

«Пролетарская революция» в лице М. Ольминского поддержала нападки А. Бура и добавили еще более веские аргументы в пользу необходимости размежевания с «чуждыми элементами»: «с течением времени революционность будет выдыхаться, и будет назреть необходимость размежевания» (*Ольминский М. Ответ т. Ярославскому // Пролетарская революция. 1930. № 11. С. 188–189*).

Журнал «Каторга и ссылка» был вынужден реагировать на критику. Статья М.М.Константинова «Политическая каторга на страницах журнала «Каторга и ссылка», опубликованная в журнале в 1933 г., была призвана не только подвести итоги и наметить перспективы дальнейшего изучения истории политической каторги, но и показать реакцию на критику (*Константинов М.М. Политическая каторга на страницах журнала «Каторга и ссылка» (Некоторые итоги) // Каторга и ссылка. 1933. № 4–5. С. 55–63*). Автор указал на просчеты, допущенные редакцией журнала в деле публикации воспоминаний, подверг критике «самотек», который выразился, по его мнению, в том, что весь материал, помещенный на страницах журнала, «продукт индивидуального творчества по преимуществу случайных авторов на случайные темы». В результате 80% публикаций приходится на воспоминания, на исследования только 12%, на публикацию документов 9%. «Самотек», по мысли автора, выразился и в «неорганизованности» тематики. Мемуаристы в основном пишут о побегах, протестах и режиме, в меньшей степени об учебе, морали и быте каторги. Совершенно не уделяется внимания, по его мнению, партийному, классовому, национальному составу политкаторги, связи с классовой борьбой за стенами тюрьмы, «морально-революционным и материальным основам коллективной жизни в тюрьме, об их теоретических и партийных взглядах». М.М. Константинов поставил перед редакцией задачу публикации не мемуаров, а научно-исследовательских статей и «научно-обработанных архивных документов» на темы: условия заключения и работы, взаимоотношения политкаторжан с администрациями тюрьмы и уголовщиной, методы борьбы политических каторжан с враждебной им и губительной для их здоровья и морального состояния обстановкой, социально-партийная дифференциация политического коллектива и пр. Автор заострил внимание еще на одной важной детали изучения каторги, которая, по его мнению, не прослеживалась ни в одном исследовании, мемуарах, статьях и учебниках, посвященных истории революционного движения: рассматривать каторгу как одну из «ступеней и форм проявления революционной классовой борьбы с феодально-крепостным и затем буржуазно-помещичьим порядком».

Наиболее трагический удар по исторической науке и периодике был нанесен письмом Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», опубликованного в 1931 г. в журнале «Пролетарская революция». Рецензии на первых порах, призывавшие повысить уровень исторических исследований журнала, постепенно стали реализовывать линию партии в деле борьбы с «чуждыми элементами». В 1935 г. журнал «Каторга и ссылка» был закрыт, а многие члены редакторского и авторского коллектива были репрессированы советской властью.

Е.Н. ВОЛОСОВ

О РОЛИ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР И ИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ РАЗВИТИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960–1980-е гг.

К региональной технократической элите помимо хозяйственных руководителей многочисленных отраслей советской экономики относились и директора научно-исследовательских и отраслевых институтов.

Хозяйственные руководители, если и участвовали в выработке экономической стратегии, то только на уровне экспертов и оппонентов при анализе проектов подготавливаемых решений. Они принимали активное участие в работе различных совещаний, технико-экономических советов, научно-практических конференций, где весьма активно лоббировали интересы своих отраслей. В то же время, сбор и анализ материалов экономического, геологического, социального, технологического характера, концептуальные разработки, определение трендов, координация работы по выработке проектов документов стратегического планирования, мониторинг их выполнения являлись смыслом и сутью деятельности представителей региональной технократической элиты из числа научных и плановых работников.

Вся эта работа носила исключительно многообразный характер, и вовлекались в нее десятки научно-исследовательских, проектных и изыскательских институтов, трестов, лабораторий, экспедиций, центров и т.д. И когда советские люди читали очередное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии той или иной отрасли, территории или знакомились с директивами развития народного хозяйства СССР, принятыми очередным съездом КПСС, то вряд ли осознавали, что за доведением этих документов до законодательного уровня стоял громадный труд ученых, инженеров и работников плановых органов.